

ПОЛЕВОЙ СЕЗОН

Геологам-поисковикам, которым довелось работать начальниками отрядов или партий, наверняка запомнился первый самостоятельный полевой сезон. За время учебы в университете я уже четыре раза побывал в геологических экспедициях коллектором и техником-геологом, но опыта работы начальником отряда еще не имел.

Вернувшись после работы по распределению в Воркутинской комплексной геолого-разведочной экспедиции, я устроился в Ленинградский государственный университет младшим научным сотрудником на родную кафедру «Геологии и поисков месторождения радиоактивных элементов». Объектом моих исследований на два года, а потом и на всю оставшуюся жизнь, стал Салминский массив грантов рапакиви в Южной Карелии. Он сформировался полтора миллиарда лет тому назад, когда гранитная магма внедрилась в гигантскую пологую трещину в земной коре и застыла на глубине нескольких километров. В результате вздымания и интенсивной эрозии горных пород граниты оказались на поверхности и в настоящий момент обнажились на площади более трех тысяч квадратных километров. В западной части массива в районе города Питкяранта еще два века назад разрабатывали связанные с гранитами рапакиви месторождения железа и полиметаллов – цинка, свинца, меди, серебра. Но моя задача состояла не в поисках новых месторождений полезных ископаемых, а в изучении минералогии самих гранитов рапакиви, для того чтобы узнать, как формирование массива связано с процессами рудообразования.

Первым делом я составил смету полевых расходов и проект приказа об организации геологической экспедиции. С утра отправился в отдел командировок и застал огром-

ную очередь, которая начиналась на первом этаже, поднималась на второй и входила в тридцать девятый кабинет, где царил бухгалтер Эмма Арнольдовна. Впереди меня стояли знакомые ребята биологи, с которыми проходил военные сборы после окончания университета.

Куда только не ехал в экспедиции и на учебные практики университетский народ: от Памира до Таймыра и от Карпат до Чукотки. Молодые ученые были просто счастливы от сознания, что едут в самостоятельные экспедиции делать удивительные открытия. Только в этой очереди я, наконец, осознал, что работаю в университете, да еще научным сотрудником, пусть и младшим. Самостоятельно еду в экспедицию в красивейшие места и буду изучать уникальные горные породы.

«Эх, видел бы меня сейчас наш участковый, который все время пророчил мне уголовное будущее», – подумалось мне.

Недавно я случайно встретил участкового в троллейбусе. Из молоденького лейтенанта получился солидный майор. Он наверняка узнал меня и подозрительно разглядывал, вспоминая, нет ли в последних оперативных сводках похожих фотографий беглых заключенных.

В очереди ребята травили разные экспедиционные байки, которые я просто обожаю слушать и на удивление легко запоминал.

– В прошлом году на Балхаше нашего рабочего укусила за ногу гюрза, – стал рассказывать молодой парень биолог, стоявший в очереди впереди меня.

– Насмерть? – ужаснулась чувственная географиня.

– Эта тварь из рода гигантских гадюк, – подняв кверху согнутую в локте руку на манер кобры в боевой стойке, биолог пальцами изобразил огромную пасть змеи, – они как прыгнут, – и неожиданно для всех схватил пальцами за голую руку стоящую рядом с ним девицу.

От испуга она заорала на всю бухгалтерию.

Народ стал дружно ругать биолога за дурацкую выходку.

– Это же моя жена, – весело рассмеялся биолог.

Очередь сразу замолчала, справедливо полагая, что со своей женой муж вправе делать все что захочет.

– И рабочий умер? – не выдержала географиня.

– Это гюрзе не повезло. Ее ядовитые клыки до кожи не достали и застряли в брезентовой ткани брюк – никак вытащить не может. В попытке освободиться она крутилась, была хвостом по земле и, наконец, обвила его ногу спиралью, как Вещему Олегу. Ну, он ей голову ножом и отсек.

– И я не успела подбежать и спасти бедную тварь, – вздохнула жена биолога.

– А у нас на производственной практике в Средней Азии, – в свою очередь стала рассказывать географиня, – на лекции по технике безопасности в полевых условиях профессор рассказывал:

«Камень нужно поднимать очень осторожно, так как под ним может сидеть скорпион и вас ужалить».

Говорит, поднимает камень, а там, сразу под его рукой сидит скорпион, и конечно, его жалит.

– Наглядная лекция по технике безопасности, и что стало с профессором? – усмехнулся биолог.

– Он сразу прижег место укуса спичкой, но у него стало дергаться лицо.

– Это один из характерных симптомов при укусе черного скорпиона, – заметила жена биолога, – всего известно более двадцати видов ядовитых скорпионов. Они отличаются от неядовитых маленькими клешнями по сравнению с большим ядовитым жалом на хвосте.

– А мы в прошлом году поехали в археологическую экспедицию и по совету одного московского профессора начали раскопки, – стала рассказывать молоденькая как

студентка археологиня, – по его данным на глубине одного метра располагался «культурный слой» – угли после пожара.

Мы аккуратно срезали дерн, сложили его рядом, затем прокопали метр и дошли до угольного «культурного слоя». Дальше стали осторожно расчищать специальными метелками и, вдруг видим, под слоем угля появляется что-то белое. Все радостно закричали, стали друг друга поздравлять с быстрой находкой артефакта. И тут наш профессор говорит:

«Ребята, это же газета «Правда» за прошлый год». Мы так и обомлели.

– Откуда взялась эта газета под землей? – удивилась географиня.

– Оказалось, что год назад московский профессор начал на этом месте раскопки, но его срочно отозвали в университет. Он расстелил газету, чтобы обозначить на будущее глубину раскопа, и все аккуратно закрыл грунтом и почвой. А за это время дерн так сросся, что мы не заметили признаков раскопа.

Очередь продвигалась медленно, так как многие сотрудники, чтобы зря не терять время отходили, а потом возвращались на свое место.

Я тоже вышел во двор подышать свежим воздухом со знакомым географом, с которым несколько лет занимался в секции бокса. Географ окончил факультет два года назад и работал на Памире вместе с геологами, в тех местах, где довелось побывать и мне.

– В Мургабе мы с геологиней пошли на рынок, – рассказал географ, – она отстала, и вдруг слышу сзади испуганный женский крик: «Алексей, помоги!» Бросился назад, и на узкой улочке, между глинобитными домами, вижу мужчину, склонившегося над геологиней. Я подскочил, развернул его за плечо и провел левой – крюк и правой –

апперкот. И так чисто получилось, как на тренировке. Мужик, естественно, в нокауте. И тут геологиня говорит:

«Что же ты сделал? Это главный геолог экспедиции, он прибежал, отогнал напавших на меня таджиков и хотел помочь мне встать. А ты его как бревном ударил».

Но, главный геолог меня простил, и даже подарил бутылку какого-то импортного ликера, которым мы с приятелем давились весь вечер. Первый раз в жизни, меня отблагодарил человек, которого я ударил.

Сверху из бухгалтерии послышался истерический женский крик, и очередь сразу притихла.

– Это Арнольдовна орет, – разъяснили мне биологи, – опять довели женщину. Конечно, будешь впадать в истерику, когда на одного человека взвалили финансовые дела командировочных и полевых экспедиций всего университета. Но работает она с фантастической скоростью, и считает как арифмометр, еще увидишь.

Эмма Арнольдовна действительно работала быстро. Пока в кабинете стояла относительная тишина, и раздавался только звук костяшек бухгалтерских счетов, младшие научные сотрудники в очереди мирно травили анекдоты. Когда же сверху доносился истерический вопль Эммы, очередь в страхе замирала и сочувственными взглядами провожала оплошавшего экспедиционера, который с опозоренным видом быстро спускался по лестнице. Многочисленные расчеты статей экспедиционных смет Эмма Арнольдовна проверяла в уме, а счетами пользовалась как четками, чтобы успокоить свои нервы. Уже после проверки она автоматически несколько секунд бесцельно щелкала костяшками.

– Осенью после экспедиции, – рассказала симпатичная географиня, стоявшая в очереди за мной, – Арнольдовна посмотрела мой финансовый отчет несколько секунд, и

сразу подчеркнула красным карандашом две цифры – статью командировочных расходов и итоговую сумму. И говорит: «Идите, пересчитайте!» Я обиделась и говорю: «Вы же даже ничего не подсчитали!», А она мне отвечает: «Это Вы считать не умеете!»

И как вы думаете? Пересчитала и оказалось, что ошиблась все на две копейки! Это просто фантастика какая-то, ей можно в цирке выступать.

Арнольдовна работала быстро и довольные экспедиционеры высказывали из кабинета один за другим. Наконец подошла моя очередь, и я подал Эмме Арнольдовне документы.

– Смета не готова, идите и переделайте! – огорошила она меня, даже не взяв в руки мои бумаги.

– Вы же ничего не смотрели, – опешил я.

– Следующий!

– Объясните мне, пожалуйста, что надо переделать, – культурно, но с обидой в голосе спросил я.

– Мне некогда каждому объяснять, как надо составлять смету. Смотрите внимательно на бланк там все написано. Следующий!

– Нет, вы мне объясните, что надо переделать, я первый раз составляю смету, – я уже завелся не на шутку.

– Следующий! – уже грозно выкрикнула Эмма.

Стоявшие за мной ребята схватили меня за плечи и вытолкали из кабинета.

В коридоре от волнения я никак не мог сосредоточиться.

– Ну, что ты завелся? – успокоила меня географиня, – это женщинам можно впадать в истерику, а мужчинам стыдно! Видишь, Арнольдовна сейчас закипит, а ей еще надо успеть всех принять. Она и так перерабатывает и принимает даже после шести вечера. Поэтому с ней надо разговаривать спокойно, уважительно и не раздражать.

– И что мне теперь делать со сметой? – я уже немного остыл.

– Сейчас я тебе объясню. Видишь, у твоего отряда нет названия.

Бланк сметы, отпечатанный на двух листах формата А3 типографским способом, складывался пополам в виде книжки. На разлинованной бумаге обозначались разделы сметы типа: «полевое довольствие», «транспортные расходы», «почтовые расходы» и пр. И действительно, в шапке сметы написано: «Название отряда (экспедиции)» и дальше три пустые строки. И как я не заметил сразу?

– А какое должно быть название отряда? – спросил я географиню.

– Любое, только обязательно должно присутствовать слово «геологический», чтобы Арнольдовна твою смету сразу положила в нужную папку «Геологи». Я в своей смете пишу «географический», а биологи «биологический». Понял? Она тебя сразу и завернула, так как нет названия отряда.

– Спасибо! – поблагодарил я и углубился в работу.

Меня смущало, что для названия отряда отводилось три строчки. Напишешь все на одной, а Эмма опять придерется и скажет: «смета неправильно оформлена».

Первый внутренний голос тут же подсказал мне длинное название, и я записал его, чтобы заполнить все три строчки:

«Международный, летучий, геологический
отряд пролетарского гнева
имени Рабиндраната Тагора»

Ребята биологи пропустили меня к Арнольдовне без очереди. Она взяла мою смету и медленно прочитала длинное название. Предчувствуя надвигающуюся «бурю» народ в кабинете замолчал.

– Международный, летучий, геологический отряд пролетарского гнева имени Рабиндраната Тагора, – громко по слогам прочитала Арнольдовна.

Экспедиционеры в коридоре и на лестнице молчали, анализируя возможные причины ошибки в названии отряда.

– Если отряд «международный», – спокойно произнесла плановичка, – то должна быть виза начальника иностранного отдела, – торжествующе закончила она и вернула мне смету.

Ребята в коридоре и на лестнице облегченно вздохнули, сообразив, что международные дела их экспедиций не касаются. И ни кто даже представить себе не мог, что можно хохмить в данной ситуации.

– Ну, вот, теперь смету надо переделывать, – с досадой сообщил я географине, выйдя из кабинета.

– Зачем переделывать, – усмехнулась она, – вставь частицу «не», там же есть место, и все в порядке.

– Где вставить? – опешил я.

– И получится: «Не международный, не летучий, геологический отряд пролетарского гнева...», – засмеялась географиня.

Народ в очереди дружно заржал над ее шуткой.

Смету пришлось переделать, изменить название отряда и снова подписывать у Эммы Арнольдовны.

Но приказ и смета это лишь первые шаги для выезда в экспедицию. Предстояло еще закупить продукты, достать снаряжение – спальные мешки, палатку, маршрутные рюкзаки, мешки для образцов и проб, кувалду, молотки и кучу всякой мелочи. И срочно найти коллекторов или рабочих. Но студенты уже разъехались на учебные и производственные практики. На всякий случай я повесил в деканате объявление с приглашением на работу в Южную Карелию.

И тут в институте земной коры неожиданно освобожденный экспедиционный автобус на целых две недели. О такой удаче я даже не мечтал и решил срочно отправиться в экспедицию один, чтобы начать работу. С машиной даже за две недели можно было выполнить половину геологического задания. Выехали в тот же вечер. Из снаряжения взял только спальники, радиометр, пробные мешки и молоток с кувалдой. Продукты закупили по дороге.

В те годы на мурманской трассе асфальт имелся только у городов. А через реку Свирь ходил паром, толкаемый катером с водометным двигателем. Очередь из машин скопилась огромная, и мы проторчали в ожидании переправы целые сутки.

К моменту выезда в поле мне еще не оформили допуск для работы с секретными материалами, к которым относились топографические карты. А как работать в поле без карт? Пришлось снять с топографических планшетов кальки на район работ с озерами, реками и дорогами.

Для успешной работы в поле нужен базовый лагерь, в котором можно хранить и обрабатывать пробы и откуда совершать маршруты. Еще в Ленинграде я выбрал по карте самое удобное место – железнодорожную станцию Койриноя – в двенадцати километрах к северу от города Питкяранта. Там сходились несколько шоссе дорог, и, главное, на пару минут останавливался поезд из Ленинграда, ходивший в те годы через Сортавалу – город на северном берегу Ладожского озера.

Наконец, мы приехали на станцию Койриноя. У самого полотна железной дороги стоял единственный бревенчатый дом барачного типа, обшитый красной вагонкой. В нем жили рабочие дистанции пути с семьями.

На крыльце сидел мужчина средних лет в оранжевом жилете – бригадир железнодорожников и хозяин одной из трехкомнатных квартир Иван Иванович Яковлев. Его жена

Надежда тоже работала на железной дороге. Вместе с ними жили три маленькие дочери и Анна Павловна – теща Ивана Ивановича – маленькая, сухая, но очень бодрая старушка.

Я быстро столкнулся с бригадиром об аренде комнаты под экспедиционную базу.

– Приезжайте вечером, комната для вас будет готова, – пообещал Иван Иванович.

Чтобы не терять время мы отправились в первый маршрут, несмотря на недовольное ворчание уставшего шофера.

За две недели работы я сделал автомобильные маршруты по всем дорогам, пересекающим массив, и отобрал три десятка проб из основных разновидностей гранитов рапакиви. Перед возвращением в город шофер потребовал два выходных дня и завалился спать почти на сутки. А я камерал – заполнял каталог и упаковывал образцы, шлифы и пробы.

Работая на полянке у крыльца, я заодно наблюдал за домашними животными. По уютному деревенскому двору важно гуляли разномастные куры и с ними роскошный красавец петух чистейшей московской породы. Его плечи украшали золотистые перья, обрамлявшие черную грудь, а на голове красовался мощный красный гребень. Строго поглядывая на меня, как на потенциального соперника, то одним, то другим оранжевым глазом, петух деловито разбрасывал ногами мусор и закудаhtал, призывая своих несущек. Они побежали к нему со всех ног, но быстро поняли, что есть особенно нечего и их господин просто демонстрирует свою заботу о гареме.

У забора, вытянув ноги, на боку лежала свинья. Во сне она утробно хрюкала и шумно вздыхала.

– Недельку бы пожить такой беззаботной жизнью, – с завистью заметил Иван Иванович, проходя мимо свиньи.

– Да, и чтобы потом тебя зарезали, – подковырнула бригадира соседка тетя Паня.

Полновластным хозяином во дворе был, конечно, Рекс. Иван Иванович утверждал, что это чистопородная овчарка, ссылаясь на огромные уши собаки, торчком стоявшие на непомерно большой как у медведя голове.

Рекс лениво слонялся по двору, пока к станции не подходил очередной грузовой состав. Пес опрорхметью мчался к железнодорожному полотну, чтобы успеть облаять паровоз. На тепловозы он не реагировал, а паровозы ненавидел. Заслышав пыхтящие звуки, он приходил в ярость, гнался за паровозом, и, казалось, сейчас укусит машину за красное колесо или вообще разорвет ее в клочки. При этом его хозяин Иван Иванович тоже приходил в ярость, так как поведение собаки до глубины души оскорбляло его самолюбие железнодорожника. Он с детства мечтал стать машинистом именно паровоза, но судьба сложилась иначе.

– Учти, я когда-нибудь пристрелю тебя, если будешь облаивать паровозы, – строго говорил он Рексу, вернувшись во двор с виновато опущенными ушами.

Пес ничего не мог поделать со своей жгучей ненавистью к паровозам, и вскоре все повторялось сначала.

Кормили Рекса два раза в день утром и вечером вместе с коровами и свиньями. Надежда выносила собаке ведро, с каким то пойлом, и пес с трудом засовывал туда свою огромную голову. В этот момент к нему подходили вечно голодные куры и осторожно склевывали крошки вокруг. Рекс, это чувствовал и, не вынимая голову из ведра, начинал грозно рычать, так что звук получался устрашающий. Собаке не всегда удавалось сразу вытащить из ведра свою огромную голову. Тогда он бегал по двору, тряс головой, пытаясь стряхнуть ведро, и устрашающе выл. Пару раз я помогал Рексу освободиться от ведра.

На территории станции обитали две кошки. Одна совсем еще молодая по кличке Соня жила в квартире Ивана Ивановича и девчонки часто с ней играли. Рекс ненавидел кошек, но Соню не трогал. Вторая кошка Нюрка считала своей хозяйкой тетю Паню, которая кормила ее молоком. Кошка жила не в доме, а на улице, ловила мышей и тем была сыта. На Нюрку запрет нападения на кошек не распространялся. Завидев ее идущую по двору, Рекс бросался на кошку со злобным рычанием. Впрочем, ей всегда удавалось убежать. Однажды мне довелось наблюдать совершенно душераздирающую сцену. Нюрка сидела у сарая около мышиной норки и терпеливо ждала появления добычи. Обоняние подсказывало ей, что мышь вот-вот появится. Кошка находилась в степени крайнего напряжения и ничего не замечала вокруг. Сзади к Нюрке, на полусогнутых лапах незаметно подкрадывался Рекс. Огромные уши собаки были прижаты к голове на охотничий манер, а хвост вытянут горизонтально как палка. Несколько раз пес останавливался, ставил уши торчком, собираясь с громким лаем бросится на кошку, но сдерживался и делал еще пару осторожных шагов. Я не мог оставаться посторонним наблюдателем предстоящей кровавой сцены и собрался крикнуть, чтобы предупредить Нюрку об опасности. Рекс заранее раскрыл неожиданно огромную пасть. Мне даже вспомнился момент из мультфильма «Красная шапочка» когда волк съел бедную бабушку. Во всяком случае, кошку Рекс смог бы проглотить целиком. Прежде чем я успел крикнуть, Рекс бросился на кошку в полной уверенности, что сразу перекусит ее пополам. Но ему не повезло. Кошка обнаружила собаку шестым чувством и как на пружинах подпрыгнула вверх. Зубы Рекса щелкнули в воздухе, а кошка упала ему на голову. Она развернулась, пробежала по спине собаки и бросилась наутек.

Рекс взвыл как ненормальный. Он повалился на спину и заелозил по пыльной земле, извиваясь всем телом. Затем подлез под дровяные козлы и стал тереться головой и загривком о шершавое сучковатое дерево. Оказалось, что кошка, пока бежала по его спине успела обмочиться на собаку. Поджав хвост, опозоренный Рекс, ушел за сарай и не вышел даже к обеду. На другой день он пропустил не облачным ненавистный паровоз. Даже машинист удивился и крикнул Ивану Ивановичу:

– А Рекс ваш где?

– У него душевная травма, – вздохнул бригадир.

– Какая у пса может быть душевная травма? – засмеялся машинист.

– Его кошка обмочила, когда он ее загрызть хотел.

– Да, это смертельный позор для охотника, – согласился машинист, – я испытал на себе. Знаешь что такое королевский выстрел? Это когда утка летит прямо на тебя, и надо стрелять в движущуюся точку впереди нее, но при этом закрываешь цель стволами. Зато если попадешь, то убитая дичь падает к твоим ногам. Так вот, после дуплета мне на лицо упала изрядная порция утиного дерьма, а дичь улете- ла невредимой. От позора неделю сам не свой ходил.

Я вдруг живо представил себе, как на болоте утка хваталась своим «королевским выстрелом», а гуси дружно гоготали на всю округу.

Паровоз свистнул и, выпуская из цилиндров клубы пара, важно двинулся в сторону Питкяранты. Рекс так и не появился.

На другой день мы с Иваном Ивановичем сидели на крыльчке, когда из-за сарая вышел оправившийся от позора Рекс. Хвост собаки вертелся как пропеллер, выдавая хорошее настроение. Пес направился к нам и, прижав уши, подошел ласкаться к хозяину?

– Ну, что, отошел? – Иван Иванович потрепал собаку по загривку и тут же отдернул руку – Где это ты вымазался в дерьме?

Рекс снова запустил пропеллер, словно хотел сказать:

«Вон, как я придумал! Здорово?»

Я сообразил, что пес специально вывалялся в коровьем дерьме, чтобы отбить невыносимый для собаки запах кошачьей мочи. Пока Иван Иванович вытирал руку листьями лопуха, я рассказал, как африканские охотники при охоте на слонов вываливались в их помете, чтобы отбить запах человека.

– Тогда пошли, охотник за паровозами.

Иван Иванович взял собаку за ошейник и повел к колодцу. Там он привязал Рекса к березе, достал ведро холодной воды и окатил его. Пес завизжал, как ненормальный, порвал веревку и убежал в лес.

На следующий день Рекс облаивал паровоз с удвоенной энергией.

– Значит, все в порядке, – крикнул машинист и выпустил из котла такую мощную струю пара, что пес кувырком отлетел в канаву.

Русская поговорка гласит: «Побежден тот, кто чувствует себя побежденным». А Рекс считал себя героем, прогнавшим ненавистное чудовище. Он бежал к дому преисполненный гордости победителя. Хвост его стоял вертикально как боевое знамя.

«Так будет со всяким паровозом, который осмелится пыхтеть около нашего полустанка!» – можно было прочитать на собачьей морде.

По вечерам с пастбища возвращалась домой корова Марта с крутолобым теленком Кешей. Стадо гнали на ночевку и доение в совхоз, а Марта сворачивала на дорогу к своему полустанку. Обычно она еще издали громко мыча-

ла, предупреждая хозяев, чтобы поторопились с едой. Надежда готовила два ведра поила – для коровы и теленка, раскрошив туда по буханке черствого хлеба. Марта с чавканьем выпивала свое ведро, и Надежда вела ее доить в стойло.

Корова давала очень много молока, так что хватало всем жителям барака. Мы с шофером тоже брали молоко каждый день, причем водитель обладал уникальными способностями и мог один выпить трехлитровую банку, верхнюю треть которой составляли отстоявшиеся сливки.

Две недели мы работали без выходных по двенадцать часов, и шофер капитально устал. Проснувшись утром, он напился молока, и снова завалился спать. Я его не трогал, камералил и, между делом, готовил обед на буржуйке около бани, так как летом в жару кухонную плиту в доме не топили. На первое сварил щи из свежей капусты с говяжьей тушенкой, а на второе пшеничную кашу с жареным луком и шкварками. Но шофер даже обедать не захотел и продолжал спать. Я решил закончить камералку.

Когда на подходе к хутору громко замычала Марта, возвратившаяся с пастбища, я сравнивал номера проб в каталоге и полевом дневнике. Надежда запоздала с пойлом для скотины, и корова продолжала требовательно мычать. И вдруг я увидел, как она подошла к печке, сдвинула мордой крышку с кастрюли и слюнявыми губами стала хлебать остывшие щи. Теленок пристроился сбоку и с аппетитом набросился на пшеничную кашу.

Я заорал и побежал отогнать коров. Меня поддержал Рекс, который с яростным лаем бросился на скотину, словно это был ненавистный его сердцу паровоз. Щей осталось на одну порцию, каши чуть больше, но выбрасывать еду всегда жалко. Листьями лопуха я обтер кастрюлю от коровьей слюны. Если не говорить шоферу о случившемся,

то был шанс скормить ему остатки обеда. Но совесть меня замучила, и я отдал остатки щей и каши Марте и теленку.

И тут на крыльцо вышел отдохнувший водитель, с хрустом потянулся и застучал ложкой по миске.

– Ну, что у нас на обед?

– Половину щей и каши съели коровы, – сообщил я, – и пришлось отдать им остатки.

– Зачем? – возмутился шофер.

– Неужели ты стал бы есть, после коров?

– А что такого? – удивился шофер. – Я не брезгливый, а корова чистая. Мы же пьем от нее сырое молоко.

«Вот, и сделал доброе дело, – пристыдил меня внутренний голос, – никогда не надо спешить с решениями».

Пришлось зажарить на большой сковороде картошку с луком и мясным шпиком. Есть расположились прямо на ящиках во дворе. Куры ходили вокруг и подбирали крошки. Рекс тоже слонялся неподалеку в надежде, что и ему что-нибудь перепадет от нашего обеда.

С работы вернулись железнодорожные рабочие во главе с Иваном Ивановичем. Помимо него в бригаде работали четыре женщины: его жена Надежда, младшая сестра Мария и еще две пожилые женщины тетя Паня и тетя Вера. Все рабочие жили в одном доме. Вот уже семнадцать лет каждый день в жару и дождь, в мороз и пургу немолодые женщины ставили на рельсы четырехколесную тележку, нагружали инструмент и, толкая ее перед собой, уходили в даль, туда, где в перспективе сходились рельсы однопутной дороги. Они обслуживали десятикилометровый участок пути, который по-старинному назывался околоток. Больше всего меня поражала выносливость этих женщин и их умение виртуозно, несколькими ударами тяжелого молотка забивать костыли в просмоленные железнодорожные шпалы.

К нам подошла тетя Паня, которая жила в однокомнатной квартире. Как раз накануне мы привезли на машине сено для ее козы. Она угостила нас зеленым луком и перьями чеснока.

Этой женщине выпала нелегкая судьба. В войну немцы угнали ее из родного белорусского села в Германию. А когда она вернулась от села остались одни печные трубы. Ее родителей и всех крестьян расстреляли за связь с партизанами. Работы не было, и она завербовалась на север в бригаду железнодорожных рабочих. Здесь в карельских лесах незаметно прошла жизнь. Но тетя Паня мечтала выйти на пенсию, вернуться в родные края, купить домик и нянчиться с внуками племянников.

После обеда к нам подсел Иван Иванович – очень добрый и отзывчивый человек, но, к сожалению, большой любитель Зеленого Змея. Чтобы как-то завязать разговор он взял в руки мой большой геологический молоток и критически его осмотрел.

– А что, можно им, к примеру, костыль в шпалу забить?
– ухмыльнулся он.

– Не знаю, не пробовал.

– Это ерунда, а не молоток! – заявил Иван Иванович. Он не поленился, сходил в сарай, где хранили железнодорожный инструмент, и принес костыльный молоток – длинный, немного напоминающий кирку, с небольшими квадратными бойками. – Вот, настоящий молоток.

– Каждый инструмент приспособлен для своего дела, – возразил я, – для меня и этот молоток хорош.

– А можешь ты костыль в шпалу забить вот этим нашим молотком?

Я и сам подумывал, а не напросится ли мне на один денек поработать с железнодорожниками и испробовать свои силы и умение, так как с детства имел склонность осваи-

вать разные профессии. Иван Иванович похвастался, что может забить костыль в новую шпалу с пяти раз, а женщины от силы с восьми. Причем рабочие замахивались молотком из-за спины, чтобы удар получился как можно сильнее. Конечно, геологическим молотком и кувалдой я владел в совершенстве, но при отборе образцов и проб главное точность удара, поэтому нельзя бить с полного маха. И я опасался, что при замахе из-за головы могу промахнуться мимо головки костыля. Впрочем, в юности я работал автослесарем, и, когда мы срубали мощные заклепки на раме грузовика, мне приходилось бить тяжелой кувалдой по заплечнику зубила с полного маха. Главное не смотреть на то место куда бьешь, иначе промахнешься.

– Можно попробовать, – ответил я.

– Пошли, – Иван Иванович решительно поднялся.

Он отвел меня за сарай, где лежали старые шпалы, воткнул в твердую еще середину одной из них железный костыль и дал мне костыльный молоток.

Я размахнулся и с первого удара загнал костыль по самую шляпку. Иван Иванович только ахнул. Он схватил пальцами головку костыля и легко как морковку из земли выдернул его из дерева – шпала оказалось насквозь трухлявая. Но все равно я гордился собой как храбрый портняжка, убивший за раз семь мух и возомнивший себя героем.

– Ты, это, женщинам про меня правду расскажи, – предупредил я Ивана Ивановича.

После этого случая железнодорожники меня зауважали.

Теща Ивана Ивановича – маленькая сторбленная старушка Анна Павловна, принесла к нашему столу тарелку квашеной капусты и блюдце с солеными грибами. У этой женщины тоже была тяжелая судьба – ее дважды угоняли в Германию. Сначала в первую мировую войну маленькой

девочкой из Украины, а потом в Отечественную с тремя детьми из под Пскова.

«Работали мы на большой ферме, в хлеву да в огороде, а дети мои прислуживали в доме, – с трудом рассказывала Анна Павловна, – обращались с нами хуже, чем, со скотиной. Осенью младшая дочь заболела и умерла. Даже врача фашисты не пригласили. Схоронила ее за оградой кладбища, без причастия и отпевания, – Анна Павловна машинально перекрестилась. – До войны я была верующая. В церковь ходила, икона в хате висела. А когда в Германии побывала, сердце, будто, окаменело. Не могу я теперь вместе с этой сволочью в одного бога верить. Но, все равно, продолжаю креститься по привычке».

Анна Павловна замолчала и, казалась, была готова заплакать.

– Когда наши пришли, хозяева сбежали к американцам, а их слуги, которые нас били, тоже все побросали и смылись. Вернулась на псковщину, муж погиб, села нет, работы нет. Вот и завербовалась на железную дорогу. Так вся жизнь здесь и прошла.

От рассказов этой женщины у меня сжимались кулаки. Не знаю, чтобы я делал с фашистами, если бы пришлось тогда воевать.

Мне очень хотелось сделать для бабушки что-то приятное. Она, как и все женщины, очень любила шоколадные конфеты, но по причине бедности редко их пробовала. Однажды я привез из Питкяранты маленький кулёчек шоколадных конфет. Принимая гостинец, женщина чуть не заплакала:

– Толя, за всю жизнь мне никто не покупал конфеты. Угощали иногда, но никогда не покупали специально для меня.

Внучки налетели как воронята и тут же расхватили конфеты. Бабушке ничего не досталось. Она смяла бумаж-

ку от кулечка и аккуратно положила ее в печку на растопку.

Я объяснил девочкам, что их бабушка прожила очень тяжелую жизнь, и если они ее любят, то не должны отбирать конфеты, а наоборот, отдавать ей самое вкусное. Но хитрые девочки невинно заявили, что бабушка сама им все отдала, а им не хотелось огорчать ее отказом.

На другой день я вручил девочкам по две конфеты и наказал, чтобы по одной они отдали бабушке.

Для упаковки и транспортировки проб и образцов нужна была тара. За бутылку вина шурин Ивана Ивановича Славка, работавший на гранитном карьере, достал мне десяток крепких ящиков из под взрывчатки. В Ленинград я привез полтонны камней – проб и образцов.

По объявлению о приеме на работу ко мне пришла студентка первого курса Марина. В весеннюю сессию она не сдала экзамен по физике и осенью ее ждала переэкзаменовка. К моему разочарованию Марина оказалась девушкой физически слабой, но я все равно решил взять ее на работу как повариху.

На другой день Марина привела парня, которого тоже едва не отчислили с первого курса за академическую неуспеваемость, и осенью его ждала либо переэкзаменовка, либо служба в Советской армии.

– Ничего Андрюша, тяжело было в ученье, легко будет в бою! – утешала его Марина.

Зато крепкий мускулистый Андрей вполне мог носить тяжелые рюкзаки в дальних маршрутах. Отряд был почти укомплектован, а в смете оставались еще две вакансии рабочих по договорам из местного населения. Я оформил ребят коллекторами, и мы отправились в экспедицию. В поезде Марина рассказала, что поет в студенческом универ-

ситетском хоре Григория Сандлера, который одновременно являлся художественным руководителем хора ленинградского телевидения и радио. Она уже два раза выезжала на зарубежные гастролы.

Когда я еще учился на факультете, в этом студенческом хоре пела наша однокурсница Надя Андреева. Она несколько раз приглашала ребят на концерты. Впечатление осталось незабываемое. Особенно потрясло меня исполнение популярной русской песни «Вечерний звон» на стихи Ивана Козлова.

О Сандлере Марина могла рассказывать часами, и была просто влюблена в своего хормейстера. Оказалось, что в годы Великой Отечественной войны Григорий Сандлер воевал на Пулковских высотах, участвовал в прорыве и снятии блокады Ленинграда, был дважды тяжело ранен. Два его брата погибли на фронте, а отец в еврейском гетто Витебска. В 1949 году Григорий Сандлер создал хор Ленинградского университета, которым руководил до конца жизни. И сегодня Академический хор Санкт-Петербургского государственного университета носит имя великого Григория Моисеевича Сандлера.

Марину огорчало только одно, она никак не могла завладеть нашим вниманием и подробно рассказать о своем концертном платье.

Андрей был не так интеллектуально развит, как Марина. В нем все еще играло детство, и он находился под впечатлением приключенческих книг Джеймса Фенимора Купера. Поэтому меня он называл не иначе как «Великий вождь», Марину – Хитрой Росомахой, а себя именовал Одиноким Бизоном.

Марина не знала кто такая росомаха, и Андрей, чтобы не обидеть девушку соврал, что это якобы знаменитая оперная певица.

Когда мы сошли с поезда, Рекс яростно облаивал паровоз, и делал вид, что собирается укусить его за колесо. Состав тронулся, и машинист традиционно выпустил мощную струю пара, чтобы испугать собаку.

Первый четырехдневный маршрут я решил совершить от петрозаводской дороги вверх по реке Уксуньеки. С собой взяли двухместную маршрутную палатку, а вместо спальных мешков только брезентовые чехлы, в которых можно спать одетыми.

На попутной машине сразу добраться до реки не удалось, и мы выгрузились у озера рядом с дорогой. Пару часов попутных машин не было. Стояла июльская жара. Мы решили искупаться и позагорать на песчаном пляже. И, конечно, именно в этот момент вдаль послышался грохот попутной машины. Натянув энцефалитку на мокрое тело, я с молотком в руках выскочил на дорогу. Грузовик оказался пустой и шофер охотно нас взял. В кузове я сидел спиной к встречному ветру и забыл накинуть на мокрую голову капюшон энцефалитки.

Выгрузились у моста через реку Уксуньеки, и сразу пошли маршрутом вверх по левому берегу. Через пару километров, отобрав первую десятикилограммовую пробу, встретили байдарочников из Ленинграда. Туристы – уже немолодые муж и жена стояли лагерем на поляне. Мы выпили с ними чаю и отправились дальше. Около полуразрушенного моста через реку на заброшенной лесовозной дороге взяли еще одну пробу.

Еще в начале маршрута у меня разболелась голова. Но лечится было нечем – по моему недосмотру походную аптечку забыли на базе.

И тут в затылке появилась сильная дергающая боль, хоть кричи. Очевидно, я простудил голову на ветру, когда ехал в кузове машины. В этот момент мы переходили болото, и я просто рухнул между кочек. Ребята подложили

мне под голову рюкзак. Но голова болела все сильнее. Я проклинал себя за то, что забыл аптечку.

– Давайте я сбегаю к туристам, – предложил Андрей, – быть может, у них есть таблетки от головной боли.

Студент ушел вниз по реке, но через час вернулся ни с чем.

– Байдарочники уплыли, – сообщил он, – а на пне зачем-то оставили буханку черствого хлеба.

К вечеру боль утихла, но все равно затылок болел как ноющий зуб. Немного помогал намотанный на голову шерстяной свитер. С трудом я добрался до лесной опушки. Студенты неумело поставили палатку и мы заночевали. К утру боль в затылке прошла. Отправились в маршрут вверх по реке и отобрали еще три пробы. На повороте реки встали лагерем на крутом берегу.

Я записывал в пикетажку выводы, когда ко мне подошел Андрей и с пафосом изрек:

– Великий вождь, бизоны ушли на север! И есть нам кроме бизоньего дерьма теперь нечего.

– В каком смысле? – опешил я. – А куда девались продукты?

– Марина случайно утопила все продукты и посуду.

– Как, всё сразу?

– Продукты были сложены в котлы, и они упали с берега в омут. Я уже несколько раз нырял, но на дне нашел только ложку.

Мы отправились на место катастрофы. На берегу, как на картине Васнецова сидела Марина в позе Аленушки, потерявшей братца Иванушку. В темном омуте под обрывом вода закручивалась спиралью. В таких местах у дна всегда есть сильное течение, подмывающее берег. Я хотел сам нырнуть и попробовать достать котлы и продукты, но с простуженной головой не рискнул.

Теперь даже воду для чая вскипятить было не в чем. Особенно я расстраивался из-за утраты походных котелков. Туристские котелки, которые в те времена продавались во всех спортивных магазинах, совершенно не годились для экспедиции. Точки крепления дуги ручки, располагались у них очень низко, почти на линии центра тяжести. Поэтому при любом неосторожном движении котелок легко переворачивался, вываливая содержимое в костер. А мои котелки легкие, вместительные входили один в другой.

Развели костер, и Андрей принялся кипятить воду в большой эмалированной кружке. Поели горячей воды.

Завтра нам предстояло пройти еще четыре километра вверх по реке и отобрать две пробы. Но тогда с грузом и без еды не дойдем до шоссе.

В принципе, пробы можно оставить здесь на месте лагеря, за один день налегке выйти к шоссе и на попутке добраться до базы. А потом вернуться сюда специально за пробами. Но это означало потерю трех или четырех маршрутных дней.

Я решил построить плот и спуститься с грузом вниз по течению до старого моста, а от него останется четыре километра до шоссе. Мой старший брат много раз спускался по сибирским рекам на лодках и плотах и я ему страшно завидовал. И вот, наконец, пришло и мое время для сплава. Конечно, это не Сибирь, а Укса не Енисей, но романтика есть везде.

На другой день мы с Мариной пошли в маршрут вверх по реке, и я отобрал две пробы гранитов. Андрей остался в лагере заготавливать материал для плота. Он использовал сухие бревна плавника, оставшиеся после молевого сплава и валявшиеся по берегам. Из-за отсутствия веревок и скоб я решил соединить бревна «в шип». На концах каждого бревна вырубались трапециевидные углубления, в кото-

рые загонялся брус, имевший в сечении форму трапеции. Плоту было присвоено имя Абель-1.

Ужинать было нечем, поэтому решили начать сплав немедленно. Марина налегке шла по берегу, а мы с Андреем, орудуя шестами, плыли на груженом плоту. Через несколько километров пороги кончились, течение замедлилось, и плот еле двигался. Грести шестами стало неэффективно. К тому же высохшие топляки быстро намokли в воде, и плот стал тонуть. Вскоре его пришлось разгрузить и бросить. Мы с Андреем взвалили на плечи тяжелые рюкзаки, и пошли берегом с остановками через каждые полкилометра.

На месте лагеря байдарочников еще издали увидели, что на пне все еще лежит буханка хлеба. Андрей не выдержал, сбросил рюкзак и побежал вперед. Я присел отдохнуть. Студент принес буханку, которая представляла собой твердокаменную корку с несколькими отверстиями, ведущими в пустое нутро. Вероятно, сердцевину выклевали птицы и выгрызли мыши.

– От мышей можно заразиться туляремией, – испуганно воскликнула Марина, – увидев, как Андрей, рыча, ломает каркас буханки.

Поскоблив корки ножом, Андрей стал с хрустом их пожирать. Я не выдержал и тоже взял корку. Марина не смогла равнодушно слушать аппетитный хруст.

– И мне дайте кусочек, – взмолилась она.

За несколько минут съели все корки.

Только к ночи вышли на дорогу. Марина несла в маршrutном рюкзаке самое легкое – палатку и чехлы от спальных мешков, но устала больше нас. Накинув на голову капюшон штормовки, студентка прилегла у обочины под елью. И тут в ночи блеснул яркий свет фар машины, которая шла в нужную сторону. Я вышел на дорогу голо-

совать с геологическим молотком в руке. В те времена все шоферы охотно подвозили геологов.

Попутная бортовая машина с пустыми молочными бидонами в кузове могла подвезти нас всего несколько километров только до речки Уосоя – правого притока Уксуньёки. Там на старом хуторе располагалась летовка – временная молочная ферма для коров. Машина шла забрать утренний надой и отвезти его в поселок Колатсельгу, а оттуда молоковоз вывозил продукцию в Петрозаводск.

Мы решили ехать на хутор и там разжиться какой-нибудь едой. Все равно до утра попутные машины не ожидались.

Летовка располагалась в одном километре к северу от шоссе на берегу маленькой ламбины. Несколько щитовых домиков стояли на опушке леса. За ними виднелся длинный открытый навес на столбах – там кормили и доили коров. Уже светало и в розовом утреннем тумане в прибрежных кустах щебетали какие-то пичуги.

Шофер предложил оставить пробы в кузове и на обратном пути подбросить нас до шоссе. Я постучал в дверь ближайшего домика.

– Ну, что грохочите, – раздался сердитый женский голос, – будто не знаете, что у меня всегда открыто, детей разбудите.

– Здравствуйте, мы геологи, можно у вас переночевать, – спросил я, открывая хлипкую фанерную дверь.

– А, я думала бригадир пришла на работу поторопить, – невысокая худощавая женщина заплетала удивительно длинную русую косу, – какая уж теперь ночь, светает. Кроватей нет, располагайтесь на сене рядом с моими детьми, всем места хватит. Только осторожнее ребят не разбудите. А я пошла коров доить.

За мной тихо вошли студенты.

– А поесть у вас ничего не найдется? – робко спросила Марина.

– Ой, простите, сразу не сообразила Вас угостить. Молоко в бидоне у двери стоит. А свежий хлеб машина привезла, на которой вы приехали.

В комнату вошел шофер и протянул хозяйке большую круглую буханку белого хлеба.

– Ну, вот и хлеб, еще теплый. Остатки заверните в полотенце, чтобы не засох.

Студенты навалились на парное молоко с хлебом, но я разрешил им отрезать только по кусочку, и сам есть не стал. Они ворчали, что хозяйка разрешила съесть чуть ли не всю буханку.

– Хлеб привезли не вам, а детям, потерпите до дома.

Буханку аккуратно завернули в полотенце и оставили на столе.

На стене висел старенький транзисторный радиоприемник, из которого тихо звучала музыка. И вдруг хор какого-то заграничного университета стал исполнять Аве Мария – католическую молитву к Деве Марии.

Марина слушала со слезами на глазах.

– Джулио Каччини, – тихо произнесла она, когда исполнение молитвы закончилась, – это одна из самых прекрасных версий музыки для Аве Марии.

Поспать нам удалось около двух часов. Нас разбудил шофер, и мы доехали на машине с бидонами до шоссе. Вскоре остановили попутку и через пару часов добрались до базы. Анна Павловна только что испекла три буханки хлеба и одну отдала нам. Марина начистила картошки, и на большой чугунной сковороде я лично приготовил яичницу «ранчо». Наелись до отвала, напились холодного молока и завалились спать.

Второй маршрут я наметил как продолжение первого – вниз по реке Уксуньёки от моста на петрозаводской дороге. Из сухих бревен за один день соорудили плот «Абель-2», для того чтобы сплавлять по воде пробы. Но на реке оказалось много порогов и целых пять водопадов, в одном из которых бесславно погиб мой плот.

Дальше нам пришлось идти пешком вдоль берега реки. На некоторых обнажениях встречались несколько разновидностей гранитов, и из каждой следовало брать пробу. Мы с Андреем еле тащили тяжелые рюкзаки.

В обед ко мне подошла Марина и заявила, что продукты закончились.

– Как это, почему опять не хватило продуктов? – вспыхнул я.

– Я взяла, как вы сказали, – насупилась Марина, – полкружки крупы на человека в день.

– Не в день, а на один раз. Ты же записала в тетрадку рецепты и раскладку.

– Там написано – полкружки крупы на человека в день! – упрямо заявила Марина.

– Покажи!

Студентка достала дневник, в который записала раскладку – полкружки крупы на человека на один раз.

– Ну, что здесь написано? О чем ты все думаешь, о принце мечтаешь?

У Марины от обиды задрожали губы, и она приготовилась зарыдать. Чтобы смягчить обстановку, я заметил:

– Ну, что ж, голодать тоже полезно. Верно Андрей?

– Кому как, – недовольно пробурчал вечно голодный Одинокый бизон.

– А куда делся весь хлеб?

– Андрюша съел – по кусочку, по кусочку, вот он и закончился.

Одинокий Бизон сердито засопел и осуждающе посмотрел на Марину.

– Объявляю вам устный выговор, – не выдержал я.

– А мне за что? – возмутился Андрей.

– За то, что весь хлеб съел.

Марина все-таки заплакала. С выговором я, видимо, поторопился и только обидел ребят. Но не извиняться же мне перед студентами.

– Ладно, забыли, – примирительно сказал я, – Марина, расскажи нам о своем концертном платье.

Марина сразу вытерла слезы и минут пятнадцать, жестикулируя руками, рассказывала нам о своем наряде.

Мысленно я проклинал себя за то, что не учел недостатки первого голодного маршрута, и «наступил на грабли» второй раз. На будущее решил обязательно контролировать запас продуктов для маршрутов.

Довольная Марина закончила свой рассказ, и мы с Андреем взвалили на плечи тяжеленные рюкзаки.

В моем абалаковском рюкзаке с боковой шнуровкой, под спину вставлялся лист фанеры, игравший роль каркаса. Маршрутные рюкзаки студентов трещали от непомерной нагрузки и, чтобы они не порвались окончательно, я сделал для Андрея дополнительные налобные ремни.

Как назло берег стал болотистым и мы едва шли, преодолевая без отдыха не более пятисот метров. На остановках я ложился на спину, не снимая рюкзак. Андрей принаоровился отдыхать на четвереньках, устраиваясь животом на кочку. На одной из таких остановок его руки, на которые он хотел опереться, неожиданно провалились в трясину, тяжеленный рюкзак перевесил и студент уткнулся головой в болотную жижу. Раздались булькающие звуки.

Просто удивительно, как на пустом месте могут возникнуть опасные для жизни ситуации.

Я сбросил свой груз, охотничьим ножом перерезал лямки рюкзака и освободил студента.

Андрей перевернулся на спину и застонал как тяжело раненый. Марина чистым пробным мешком обтерла грязь с его лица. Мне показалось, что Одинокий Бизон решил воспользоваться случаем, чтобы немного отдохнуть, симулируя травму позвоночника. Марина хлопотала около пострадавшего, и причитала:

– Андрюшенька, Андрюшенька, не умирай.

Изображая смертельно больного, студент махал ослабевшей рукой, словно хотел сказать: «Бросьте меня здесь, я все равно не выживу, дальше идите одни».

Проверить мои подозрения можно было просто и быстро.

– Марина, – позвал я студентку, – Одинокий Бизон все равно не жилец, а у меня есть НЗ – кусок хлеба с беконом, давай перекусим в дорогу.

– А как же я? – вдруг закричал Андрей, бодро вскакивая на ноги. – Не хочу голодным умирать, – засмеялся он.

Я отдал НЗ ребятам. Они его тут же съели, но и мне оставили кусочек.

Вечером на привале Марина вскипятила в кастрюльке воду для чая. Сахара хватило всем по одному куску. Андрей сшил разрезанные лямки рюкзака суровой ниткой.

Укрывшись от комаров марлевым пологом, я внимательно рассмотрел кальку с абрисом. Для ориентирования на местности приходилось все время держаться берега. Река петляла, и это значительно удлиняло маршрут. Мы прошли только половину из сорокакилометрового пути, а набрали уже восемь проб. И еще столько же предстояло отобрать. Стало ясно, что голодными, да еще с таким грузом нам маршрут не закончить.

От нашего лагеря оставалось четыре километра до старой лесовозной дороги, по которой можно выйти на шос-

се Питкяранта – Петрозаводск, а мешки с камнями оставить где-то в районе моста. Потом специально вернуться на попутных машинах и забрать образцы и пробы.

Утром на завтрак напился чая и съел по маленькому кусочку хлеба. Андрей положил его в рот и языком размазал по небу.

– Никогда не думал, что простой хлеб такой вкусный, вернемся, съем буханку, – мечтательно произнес студент.

Взвалив на плечи тяжелые рюкзаки, двинулись вдоль берега по едва заметной тропе. К счастью кочковатое болото закончилось. Но, все равно без остановки проходили не более полукилометра.

На береговых скалах у водопада я отбирал пробу из гранитов. Вдруг на противоположном берегу заметил двух пацанов лет по четырнадцати, с лицами, измазанными черничным соком. Я окликнул ребят и поинтересовался, что они делают в такой глуши. Оказалось, что ребята на велосипеде и мопеде приехали на рыбалку. Они рассказали, что ниже по течению есть заброшенный мост, от которого лесовозная дорога идет на Север до петрозаводского шоссе.

По ней они и приехали сюда из самой Питкяранты. Это была отличная новость. Я тут же предложил ребятам устроиться ко мне в отряд на работу. Ребята с радостью согласились, но им было по четырнадцать лет, и оформить их официально я не мог. Они быстро нашли выход и сказали, что на работу можно фиктивно нанять их приятелей, которым уже исполнилось шестнадцать лет, а работать будут они.

К вечеру мы вышли маршрутом к мосту и к нам присоединились ребята. Я отобрал из гранитов очередную пробу, а студенты установили палатку и повесили над костром котелок, чтобы вскипятить воду для чая. Мои новые работники скромно развели костерок рядом с нашим.

– Еды у нас нет совсем, – вслух пожаловалась Марина, чтобы ребята не рассчитывали на угощение.

Один из парней Володя Болотов тут же достал из реки кулан с несколькими окунями и парой щук. Саша Сапелкин солидно произнес:

– Ладно, хоть и не сезон, но чтобы накормить голодных геологов придется застрелить крохалья.

Он закинул на плечо курковую одностволку, и отправился вниз по течению. Вскоре над водой прокатился грохот выстрела. Саня подстрелил большого крохалья, ловко его оципал и выпотрошил. Дичь стали жарить целиком на вертеле.

Когда вода в котелке закипела, и студенты хотели положить туда рыбу, новоиспеченные рабочие достали из своей торбы картошку, лук и целую буханку черного хлеба. Андрей не выдержал и закричал ура при виде такого богатства.

Мы и не сообразили, что у ребят с собой может быть какая-то еда. А они недавно приехали на рыбалку и еще ничего не успели съесть из своих продуктовых запасов. В

котелок добавили картошку, лук и сварили отличную уху. Дичь на вертеле тоже удалась на славу, но на пятерых маловато. Наконец-то ненасытный Андрей остался доволен.

На другой день утром Саня на мопеде, а я на велосипеде Болотова по старой лесовозной дороге поехали к петрозаводскому шоссе. Вскоре я устал крутить педали старого велосипеда с грузом в пятьдесят килограммов за плечами. Саня на мопеде очень быстро проехал двенадцать километров и вернулся, чтобы мне помочь. В кустах около дороги сложили пробы. Я остался у шоссе, а Саня, погрузив велосипед на багажник мопеда, вернулся назад к мосту. Вскоре ребята привезли моих студентов.

Тогда я понял, как удобно работать в экспедиции на мопедах и решил обязательно купить пару да еще с прицепными грузовыми тележками. С тех пор каждое лето Саня устраивался ко мне рабочим, и мы исколесили на мопедах все окрестности.

В ожидании попутной машины студенты, потребовали немедленно съесть НЗ – банку какао со сгущенным молоком. Я отдал им банку, и они вчетвером ее выпили.

На другой день ребята отправились за пробами, и привезли их на попутной машине.

После камералки я объявил выходной день. Студенты отпросились в город на танцы. А я собрался на пленэр с этюдником. В километре от полустанка располагалось живописное лесное озеро с обрывистыми берегами. Остроконечные ели на скальных уступах как в зеркале отражались в гладкой темной воде. И мне захотелось написать акварельный пейзаж.

С утра пораньше железнодорожники собрались на сенокос, и мне вдруг стало неловко заниматься художеством, когда люди отправлялись на тяжелую работу. Я считал, что геолог должен уметь все и поэтому напросился вместе с

ними, для того чтобы научиться косить. Все разместились на небольшой железнодорожной дрезине и прицепной тележке. Затрещал мотоциклетный мотор, и дрезина помчалась по рельсам с бешеной скоростью, так что от встречного ветра перехватывало дыхание. На обочине у поляны мы выгрузились и убрали с рельсов дрезину и тележку. Здесь располагался покос железнодорожников полустанка. В те времена почти все сельские жители и колхозники держали скотину. Даже в городе Питкяранта было два коровьих стада. А удобных покосных лугов на всех не хватало.

Раньше мне казалось, что косить очень просто. Только непонятно, отчего косцы затрачивали на работу больше всех калорий энергии. Иван Иванович постепенно обучил меня этому искусству. Мужчины косили широкой полосой, двигаясь уступом в котором я шел за Славкой. У меня быстро все стало получаться, и я порадовался, что поехал с железнодорожниками. А на этюды я еще успею.

Устал я быстро, несмотря на то, что занимался спортом, ходил в тяжелые маршруты и ощущал себя физически сильным. Временами казалось, что до обеда я не доживу и упаду без сил. А крепкие мужики в мокрых от пота холщевых рубаках смачно косили высокую траву без всяких признаков усталости.

«Зря ты не пошел с этюдником на озеро», – заметил мой внутренний голос.

К обеду я еле держался на ногах. Тащить по болоту рюкзаки с пробами казалось легче.

Женщины расстелили на траве скатерть и разложили нехитрые припасы – свежее испеченный хлеб, вареные яйца, картошку в мундире, мясистое сало, зеленый лук и бутылки с молоком, заткнутые тряпичными пробками. Всё было вкусно до безумия. После обеда все разлеглись отдыхать в тени под деревьями. Я тоже прилег на траву и незаметно уснул.

Молодой организм восстанавливается быстро. Когда я проснулся, все уже работали. Стало неудобно, и я схватил за косу. Вторая половина дня прошла легче, но все равно, когда мы ставили дрезину на рельсы, ноги у меня дрожали.

Студенты уже вернулись из города. На крыльце сидела печальная Марина.

– А где же бледнолицый брат твой – Одинокий бизон?

– Спит, – коротко ответила Марина, – и он уже краснолицый. На танцах ему набили физиономию.

– За что же?

– Перед танцами он взял у Сапелкина на прокат красную атласную рубашу с широкими рукавами как у цыгана. Местные ребята сочли, что он вызывающе одет, и стали выгонять его из зала. А он как рванет не груди чужую рубашу, аж до пупа. Ну, его и поколотили. А мне потом рубашу пришлось зашивать.

Студентов пришлось отпустить из экспедиции в августе, и последние дальние маршруты сделали на мопедах с Сашей Сапелкиным. В конце сезона я съездил в Ленинград, получил машину и вывез в город еще полтонны камней. Теперь предстояло раздробить до одного миллиметра почти тонну гранита, отобрать из каждой пробы по три навески, а из оставшейся части около девяти килограммов отмыть искусственный шлик. Ни одна лаборатория не бралась за такую работу. В помощь я нанял Андрея, Марину и двух студентов старшекурсников, оформив их на полставки лаборанта.

Лишь к ноябрю месяцу, мне удалось раздробить пробы, и вывезти их к себе на дачу в Белоостров на институтской машине. Я рассчитывал с помощью студентов за один день отмыть шлихи на небольшом озере. Рано утром автобус довез нас почти до берега. Мы выгрузили пробы, тазы для

промывки и ведра для отмучивания. Из озера вытекал ручей и сразу за мостиком ниже по течению шумел небольшой водопад.

Я рассказал студентам, что в процессе дробления пробы образуется тонкая фракция в виде пыли, от которой надо избавиться перед промывкой шлиха. Для этого надо отмучивать пробы. В ведро наливается вода и туда высыпается дробленая проба, которая перемешивается палкой. Мутная вода сливается через край и заливается чистая вода. Операция повторяется до тех пор, пока вода после перемешивания не остается чистой. Отмучивали пробы Марина и моя жена Наталья. Андрей работал на подхвате у старшекурсников, которые уже имели опыт отмывки шлихов. Вместо настоящих старательских лотков мы использовали обычные эмалированные тазы. Еще я захватил из лаборатории металлические вращающиеся стулья, на которых можно удобно сидеть и работать, поставив их в воду.

День выдался ясный и морозный. Местами уже появились забереги, и тонкий как стекло ледок хрустел под резиновыми сапогами.

Работа пошла споро. Хотелось до темноты промыть семьдесят проб. Сидя на стульях, мы тазами отмывали пробу до серого шлиха – концентрата тяжелых минералов. Готовые шлихи смывали на бумажные листы и раскладывали на берегу для просушки.

Конечно, наша деятельность обращала на себя внимание местных садоводов, дачи которых стояли недалеко от озера. Они с интересом наблюдали за нашей работой, а некоторые подходили ближе и спрашивали, чем мы занимаемся. В кинофильмах люди уже видели, как геологи в поисках золота отмывают в лотках шлихи. Поэтому первый вопрос садоводов звучал стандартно:

«Что вы ищете, золото?»

Я наказал ребятам не отвлекаться на разговоры с местным населением, иначе мы не успеем закончить работу. От ледяной воды у всех быстро замерзли руки. Развели небольшой костерок и по очереди бегали к нему греть озябшие пальцы.

К вечеру к нам пристал местный житель в светлом плаще и кепке. По-видимому, он уже собрался уезжать в город и решил прояснить ситуацию с непонятной деятельностью геологов. На его вопросы никто не отвечал, и это его раздражало.

– Ничего вы здесь не найдете! – злорадно предсказал нам садовод.

Тут даже я не выдержал, и экспромтом соврал:

– А мы уже нашли здесь месторождение россыпного золота, и ваши участки будут снесены.

Садовод чуть не поперхнулся. Он развернулся и быстро ушел.

Мы успешно закончили работу, когда стало смеркаться. Погрузили на тачки оборудование и повезли его к автобусу. Шофер уже извелся в ожидании конца рабочего дня. Когда мы проходили мимо щита для объявления садовод-

ческого товарищества, студенты воодушевленные моей дурацкой шуткой о находке месторождения золота, предложили:

– Анатолий Михайлович, давайте повесим здесь объявление: «Товарищи садоводы! В связи с открытием в данном районе богатого месторождения россыпного золота, Ваши участки подлежат сносу».

– Это будет слишком круто, – не разрешил я.

По тропинке нам на встречу шла делегация из двух человек. Один из них в плаще нес под мышкой литровую банку с солеными огурцами, а в руке держал бутылку водки. И моржу было ясно, что это группа разведки идет выяснить обстановку о возможном сносе дач.

– Хлопцы, да вы совсем змерзли! – воскликнул старший, по виду председатель дачного кооператива. – Смотрю, целый день сидят в воде и работают. Ну-ка хлебните по чарке доброй горилки. Мужчина, не дожидаясь нашего согласия, стал наливать в граненый стакан мутноватую жидкость, в которой без труда можно было опознать самогон. Второй мужчина, которому я рассказал про открытие золоторудного месторождения, выудил из банки симпатичный огурчик.

– Спасибо, не надо, – я отстранил протянутый мне стакан, – извините, это я пошутил, насчет месторождения золота.

– Ну, слава Богу, – совершенно не обиделся председатель, – от сердца отлегло, а то десять лет здесь корчевали и строились. Ну, давай с тобой выпьем за хорошую новость. Хлопцам твоим я вижу еще нельзя – совсем молодые, а нам можно. – Председатель садоводства лихо хлопнул целый стакан, и, не закусывая, налил мне.

– Спасибо, – поблагодарил я щедрого председателя, – мне сейчас нельзя, еще предстоит работать.

Так закончился мой первый самостоятельный полевой сезон

Осенью Андрей успешно выдержал переэкзаменовки, а Марина завалила физику. Но, как говорится: «Все что ни делается, делается к лучшему». По большому счету Марине в жизни повезло. Не зря она каждый день закатывала глаза в ожидании своего принца, и он явился.

– «Русская женщина не ждет принца на белом коне, а останавливает его на полном скаку», – прокомментировал Андрей удачу Марины на личном фронте.

Конечно, избранник пел в университетском хоре и подавал большие надежды в теоретической физике. Правда он сразу потребовал, чтобы Марина поступила на физфак. Представляю, чего это ей стоило. Но что не сделаешь ради большой любви, и ненавистную физику выучишь и даже на физфак поступишь. Марина потом со смехом рассказывала, как удивился преподаватель физики, узнав, что студентка геологического факультета, завалившая у него переэкзаменовку, успешно поступила на вечернее отделение физфака.

На свадьбу Марины я не пошел, а от нашего «летучего геологического отряда пролетарского гнева» отправил Андрея, строго наказав ему, чтобы он не вздумал демонстрировать перед гостями пролетарскую удаль – рвать на себе рубаху.